

как карикатурист. В свободное время он увлекался сатирическими рисунками, изображая Волошина и его гостей в самых необыкновенных положениях, и вызывал своими дружескими шаржами²⁷⁸ веселый смех коктебельцев. Однажды поэты устроили творческое соревнование. Они заставили меня облачиться в синее платье, надеть на голову серебристую повязку и "позировать" им, полулежа на фоне моря и голубых гор. Пять поэтов "соревновались" в написании моего "поэтического портрета"²⁷⁹, Лучшим из этих портретов оказалось стихотворение Алексея Николаевича, которое под названием "Портрет гр. С. И. Толстой" вошло в посвященную мне (посвящение гласило: "Посвящаю моей жене, с которой совместно эту книгу писали") книгу стихов "За синими реками", выпущенную в 1911 году издательством "Гриф". Напечатали аналогичные стихи и Волошин²⁸⁰ и другие поэты. ...

ИСТОРИЯ ЧЕРУБИНЫ **(Рассказ М. Волошина в записи Т. Шанько)**

Я начну с того, с чего начинаю обычно, - с того, кто был Габриак²⁸¹. Габриак был морской черт, найденный в Коктебеле, на берегу, против мыса Мальчик²⁸². Он был выточен волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица.

Он жил у меня в кабинете, на полке с французскими поэтами, вместе со своей сестрой, девушкой без головы, но с распущенными волосами, также выточенной из виноградного корня, до тех пор, пока не был подарен мною Лиле²⁸³. Тогда он переселился в Петербург на другую книжную полку.

Имя ему было дано в Коктебеле. Мы долго рылись в чертовских святцах ("Демонология" Бодена²⁸⁴) и наконец остановились на имени "Габриак". Это был бес, защищающий от злых духов. Такая роль шла к добродушному выражению лица нашего черта.

Лиле в то время было девятнадцать лет²⁸⁵. Это была маленькая девушка с внимательными глазами и выгнутым лбом. Она была хромой от рождения и с детства привыкла считать себя уродом. В детстве у всех ее игрушек отламывалась одна нога, так как ее брат и сестра говорили: "Раз ты сама хромая, у тебя должны быть хромые игрушки". ...

Летом 1909 года Лиля жила в Коктебеле. Она в те времена была студенткой университета, ученицей Александра Веселовского, и изучала старофранцузскую и

²⁷⁸ 213 В Доме-музее Волошина в Коктебеле сохранилось несколько шаржей А. Н. Толстого.

²⁷⁹ 214 "Поэтические портреты" С. И. Толстой написали в Коктебеле А. Толстой, М. Волошин, Е. Дмитриева. До сих пор остается неизвестным стихотворение Н. Гумилева, написанное в этом "соревновании".

²⁸⁰ 215 Стихотворение Волошина, посвященное "графине Софье И. Толстой", "Концом иглы на мягком воске..." (оно опубликовано в первом сборнике Волошина "Стихотворения. 1900- 1910").

²⁸¹ 216 Габриаками старожилы Коктебеля и теперь называют причудливые виноградные корни.

²⁸² Мальчик ("место выпаса скота", татарс.) - мыс, замыкающий Коктебельскую бухту с юго-запада.

²⁸³ Елизавета Ивановна Дмитриева (в замужестве Васильева, 1887-1928) поэт, прозаик, переводчик.

²⁸⁴ 217 Боден Жан (1530-1596) - французский юрист, автор политических трактатов. Его "Демонология" (1580) посвящена доказательствам существования колдунов.

²⁸⁵ Неточно: Дмитриевой в то время был 21 год.

староиспанскую литературу ²⁸⁶. Кроме того, она была преподавательницей в подготовительном классе одной из петербургских гимназий ²⁸⁷. Ее ученицы однажды отличились. Какое-то начальство вошло в класс и спросило: "Скажите, девочки, кого из русских царей вы больше всего любите?" Класс хором ответил: "Конечно, Гришку Отрепьева!" К счастью, это никак не отразилось на преподавательнице.

Лиля писала в это лето милые простые стихи, и тогда-то я ей и подарил черта Габриаха, которого мы в просторечье звали "Гаврюшкой".

В 1909 году создавалась редакция "Аполлона", первый номер которого вышел в октябре - ноябре ²⁸⁸. Мы много думали летом о создании журнала, мне хотелось помещать там французских поэтов, стихи писались с расчетом на него, и стихи Лили казались подходящими. В то время не было в Петербурге молодого литературного журнала. Московские "Весы" и "Золотое руно" уже начинали угасать. В журналах того времени редактор обыкновенно был и издателем. Это не был капиталист, а лицо, умевшее соответствующим образом обработать какого-нибудь капиталиста. Редактору "Аполлона" С. К. Маковскому ²⁸⁹ удалось использовать Ушковых.

Маковский, "Рара Мако", как мы его называли, был чрезвычайно и аристократичен и элегантен. Я помню, он советовался со мною - не вынести ли такого правила, чтоб сотрудники являлись в редакцию "Аполлона" не иначе, как в смокингах. В редакции, конечно, должны были быть дамы, и Рара Мако прочил балерин из петербургского кордебалета.

Лиля - скромная, не элегантная и хромая - удовлетворить его, конечно, не могла, и стихи ее были в редакции отвергнуты.

Тогда мы решили изобрести псевдоним и послать стихи письмом. Письмо было написано достаточно утонченным слогом на французском языке, а для псевдонима мы взяли наудачу черта Габриаха. Но для аристократичности Черт обозначил свое имя первой буквой, в фамилии изменил на французский лад окончание и прибавил частицу "де": Ч. де Габриак.

Впоследствии "Ч" было раскрыто. Мы долго ломали голову, ища женское имя, начинающееся на "Ч", пока, наконец, Лиля не вспомнила об одной Брет-Гартовской героине. Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины. Чтобы окончательно очаровать Рара Мако, для такой светской женщины необходим был герб. И гербу было посвящено стихотворение.

НАШ ГЕРБ

Червлёный щит в моем гербе,
И знака нет на светлом поле.
Но вверен он моей судьбе,
Последней - в роде дерзких волей.
Есть необманный путь к тому,
Кто спит в стенах Иерусалима,

²⁸⁶ 218 В статье о Е. И. Васильевой (фамилия Дмитриевой в замужестве) в справочнике "Писатели современной эпохи" (М., 1928) указано, что она занималась испанистикой в Петербургском университете у профессора Д. К. Петрова - ученика А. Н. Веселовского.

²⁸⁷ 219 Как сообщается в справочнике "Весь Петербург" на 1909 год, Е. И. Дмитриева была учительницей Петровской женской гимназии (Петроградская сторона, ул. Плуталова, 24).

²⁸⁸ 220 Первый номер "Аполлона" вышел из печати 24 октября 1909 года.

²⁸⁹ 221 Маковский Сергей Константинович (1878-1962) - поэт, критик. Волошин посвятил ему стихотворение "Делос" (1909). Маковский значился редактором и издателем (наряду с Михаилом Константиновичем Ушковым) журнала "Аполлон".

Кто верен роду моему,
Кем я звана, кем я любима.
И - путь безумья всех надежд,
Неотвратимый путь гордыни;
В нем пламя огненных одежд
И скорбь отвергнутой пустыни...
Но что дано мне в щит вписать?
Датуры тьмы иль розы храма?
Тубала медную печать
Или акацию Хирама?²⁹⁰

Письмо было написано на бумаге с траурным обрезом и запечатано черным сургучом. На печати был девиз: "Vaе victis!"²⁹¹ Все это случайно нашлось у подруги Лили - Л. Брюлловой²⁹².

Маковский в это время был болен ангиной. Он принимал сотрудников у себя дома, лежа в элегантной спальне; рядом с кроватью стоял на столике телефон.

Когда я на другой день пришел к нему, у него сидел красный и смущенный А. Н. Толстой, который выслушивал чтение стихов, известных ему по Коктебелю, и не знал, как ему на них реагировать. Я только успел шепнуть ему: "Молчи. Уходи". Он не замедлил скрыться.

Маковский был в восхищении. "Вот видите, Максимилиан Александрович, я всегда Вам говорил, что Вы слишком мало обращаете внимания на светских женщин. Посмотрите, какие одна из них прислала мне стихи! Такие сотрудники для "Аполлона" необходимы".

Черубине был написан ответ на французском языке, чрезвычайно лестный для начинающего поэта, с просьбой порываться в старых тетрадях и прислать все, что она до сих пор писала. В тот же вечер мы с Лилей принялись за работу, и на другой день Маковский получил целую тетрадь стихов.

В стихах Черубины я играл роль режиссера и цензора, подсказывал темы, выражения, давал задания, но писала только Лилия.

Мы сделали Черубину страстной католичкой, так как эта тема еще не была использована в тогдашнем Петербурге.

СВ. ИГНАТИЮ²⁹³

Твои глаза - святой Грааль,
В себя принявший скорби мира,
И облекла твою печаль
Марии белая порфира.
Ты, обагрывший кровью меч,

²⁹⁰ 222 Стихотворение "Наш герб" было опубликовано в составе подборки стихов Черубины де Габриак во втором номере "Аполлона" (вышел 15 ноября 1909 г.). Тубал - мифический основатель металлургии, иначе Тувал-Каин ("отец кузнецов"). Хирам-Авив - легендарный финикийский литейщик ("тезка" тирского царя), который участвовал в строительстве храма Иеговы, возведенного царем Соломоном в Иерусалиме. На могилу Хирама, убитого алчными подмастерьями, были возложены ветви акации - символ вечности духа и добрых дел.

²⁹¹ Горе побежденным (лат.)

²⁹² 223 Брюллова Лидия Павловна (в замужестве Владимирова, 1886-1954) поэтесса, дочь художника П. А. Брюллова, внучатая племянница К. П. Брюллова. О стихах Волошина, посвященных ей, см. в воспоминаниях М. Цветаевой и в 16-м примечании к ним.

²⁹³ Игнатий Лойола - основатель ордена иезуитов.

Склонил смиренно перья шлема
Перед сияньем тонких свеч
В дверях пещеры Вифлеема.
И ты - хранишь ее один,
Безумный вождь священных ратей,
Заступник грез, святой Игнатий,
Пречистой Девы паладин!
Ты для меня средь дольных дымов,
Любимый, младший брат Христа,
Цветок небесных серафимов
И Богоматери мечта.
Я венки тебе часто плету
Из пахучей и ласковой мяты,
Из травинок, что ветром примяты,
И из каперсов в белом цвету.
Но сама я закрыла дороги,
На которых бы встретила ты...
И в руках моих, полных тревоги,
Умирают и пахнут цветы.
Кто-то отнял любимые лики
И безумьем сдавил мне виски.
Но никто не отнимет тоски
О могиле моей Вероники.

Затем решили внести в стихи побольше Испании.

Ищу защиты в преддверье храма
Пред Богоматерью Всех Сокровищ,
Пусть орифламма
Твоя укроет от злых чудовищ.
Я прибежала из улиц шумных,
Где бьют во мраке слепые крылья,
Где ждут безумных
Соблазны мира и вся Севилья.
Но я слагаю Тебе к подножью
Кинжал и веер, цветы, камеи
Во славу Божью...
О Mater Dei, memento mei!²⁹⁴

Кроме того, необходима была преступно-католическая любовь к Христу.
ТВОИ РУКИ

Эти руки со мной неотступно
Средь ночной тишины моих грез,
Как отраднo, как сладко-преступно
Обвивать их гирляндами роз.
Я целую божественных линий
На ладонях священный узор...
(Запеваеt далеких Эриний

²⁹⁴ О Матерь Божья, помяни меня! (Лат.)

В глубине угрожающий хор.)
Как люблю эти тонкие кисти
И ногтей удлиненных эмаль.
О, загар этих рук золотистей,
Чем Ливанских полудней печаль.
Эти руки, как гибкие грозди.
Все сияют в камнях дорогих.
Но оставили острые гвозди
Чуть заметные знаки на них.

Так начинались стихи Черубины.

На другой день Лиля позвонила Маковскому. Он был болен, скучал, ему не хотелось класть трубку, и он, вместо того чтобы кончать разговор, сказал: "Знаете, я умею определять судьбу и характер человека по его почерку. Хотите, я расскажу Вам все, что узнал по Вашему?" И он рассказал, что отец Черубины - француз из Южной Франции, мать - русская, что она воспитывалась в монастыре в Толедо и т. д. Лиле оставалось только изумляться, откуда он все это мог узнать, и таким образом мы получили ряд ценных сведений из биографии Черубины, которых впоследствии и придерживались.

Если в стихах я давал только идеи и принимал как можно меньше участия в выполнении, то переписка Черубины с Маковским лежала исключительно на мне. Пара Мако избрал меня своим наперником. По вечерам он показывал мне мною же утром написанные письма и восхищался: "Какая изумительная девушка! Я всегда умел играть женским сердцем, но теперь у меня каждый день выбита шпага из рук".

Он прибегал к моей помощи и говорил: "Вы - мой Сирано"²⁹⁵, не подозревая, до какой степени он близок к истине, так как я был Сирано для обеих сторон. Пара Мако, например, говорил: "Графиня Черубина Георгиевна (он сам возвел ее в графское достоинство) прислала мне сонет. Я должен написать сонет "de riposta"²⁹⁶, - и мы вместе с ним работали над сонетом.

Маковский был очарован Черубиной. "Если бы у меня было 40 тысяч годового дохода, я решился бы за ней ухаживать". А Лиля в это время жила на одиннадцать с половиной в месяц, которые получала как преподавательница подготовительного класса.

Мы с Лилей мечтали о католическом семинаристе, который молча бы появлялся, подавал бы письмо на бумаге с траурным обрезом и исчезал. Но выполнить это было невозможно.

Переписка становилась все более и более оживленной, и это было все более и более сложно. Наконец мы с Лилей решили перейти на язык цветов²⁹⁷. Со стихами вместо письма стали посылаться цветы. Мы выбирали самое скромное и самое дешевое из того, что можно было достать в цветочных магазинах, веточку какой-нибудь травы, которую употребляли при составлении букетов, но которая, присланная отдельно, приобретала таинственное и глубокое значение. Мы были свободны в выборе, так как никто в редакции не знал языка цветов, включая Маковского, который уверял, что знает его прекрасно. В затруднительных случаях звали меня, и я, конечно, давал разъяснения. Маковский в ответ писал французские

²⁹⁵ 224 Имеется в виду главный герой пьесы Э. Ростана "Сирано де Бержерак", который пишет письма красавице Роксане от имени влюбленного в нее Кристиана, одновременно любя ее сам.

²⁹⁶ В ответ (итал.).

²⁹⁷ 225 Посылать в письме цветок, лист или травинку было обыкновением Е. И. Дмитриевой и в переписке с Волошиным до мистификации. "Язык цветов" условный способ выражать различные понятия и чувства посредством разных растений, ведущий свое происхождение с Востока. В средние века был в употреблении и в Западной Европе.

стихи.

Он требовал у Черубины свидания. Лиля выходила из положения очень просто. Она говорила по телефону: "Тогда-то я буду кататься на Островах. Конечно, сердце Вам подскажет, и Вы узнаете меня". Маковский ехал на Острова, узнавал ее и потом с торжеством рассказывал ей, что он ее видел, что она была так-то одета, в таком-то автомобиле... Лиля смеялась и отвечала, что она никогда не ездит в автомобиле, а только на лошадях.

Или же она обещала ему быть в одной из лож бенуара на премьере балета. Он выбирал самую красивую из дам в ложах бенуара и был уверен, что это Черубина, а Лиля на другой день говорила: "Я уверена, что Вам понравилась такая-то". И начинала критиковать избранную красавицу. Все это Маковский воспринимал как "выбивание шпаги из рук".

Черубина по воскресеньям посещала костел. Она исповедовалась у отца Бенедикта. Вот стихотворения, посвященные ему и исповеди:

[САВОНАРОЛА]

Его египетские губы
Замкнули древние мечты,
И повелительны и грубы
Лица жестокого черты.
И цвета синих виноградин
Огонь его тяжелых глаз;
Он в темноте глубоких впадин
Истлел, померк, но не погас.
В нем правый гнев грохочет глухо,
И жечь сердца ему дано.
На нем клеймо Святого Духа
Тонзуры белое пятно.
Мне сладко, силой силу меря,
Заставить жить его уста
И в беспощадном лике зверя
Провидеть грозный лик Христа.

ИСПОВЕДЬ

В быстро сдернутых перчатках
Сохранился оттиск рук,
Черный креп в негибких складках
Очертил на плитах круг.
В тихой мгле исповедален
Робкий шепот, чья-то речь;
Строгий профиль мой печален
От лучей дрожащих свеч²⁹⁸.

Я смотрю в игру мерцаний
По чекану темных бронз
И не слышу увещаний,
Что мне шепчет старый ксендз.

²⁹⁸ Этой строфы в записи Шанько нет. Публикуется по тексту собрания стихов Черубины де Габриак, составленного в 1928 г. Е. Я. Архипповым.

Поправляя гребень в косах,
Я слежу мои мечты,
Все грехи в его вопросах
Так наивны и просты.
Ад теряет обаянье,
Жизнь становится тиха,
Но так сладостно сознание
Первородного греха...

Вот [еще] образцы стихов Черубины:
КРАСНЫЙ ПЛАЩ

Кто-то мне сказал: твой милый
Будет в огненном плаще...
Камень, сжатый в чьей праче,
Загремел с безумной силой!?!
Чья кремнистая стрела
У ключа в песок зарыта?
Чье летучее копыто
Отчеканила скала?..
Чье блестящее забрало
Промелькнуло там, среди чаш?
В небе вьется красный плащ...
Я лица не увидела.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

О, сколько раз, в часы бессонниц,
Вставало ярче и живей
Сияние радужных оконниц,
Моих немислимых церквей.
Горя безгрешными свечами.
Пылая славой золотой,
Там под узорными парчами
Стоял дубовый аналой.
И от свечей и от заката
Алела киноварь страниц,
И травной вязью было сжато
Сплетенье слов и райских птиц.
И, помню, книгу я открыла
И увидела в письменах
Безумный возглас Гавриила:
"Благословенна ты в женах!"
Наряду с этим были такие:
Лишь раз один, как папоротник, я
Цвету огнем весенней, пьяной ночью...
Приди за мной к лесному средоточью,
В заклятый круг, приди, сорви меня!
Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче,
Я, как миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и горче.

Были портретные стихи:
С моею царственной мечтой
Одна брожу по всей вселенной,
С моим презреньем к жизни тленной,
С моею горькой красотой.
Царицей призрачного трона
Меня поставила судьба...
Венчает гордый выгиб лба
Червонных кос моих корона.
Но спят в угаснувших веках
Все те, кто были бы любимы,
Как я, печалию томимы,
Как я, одни в своих мечтах.
И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?

Легенда о Черубине распространялась по Петербургу с молниеносной быстротой. Все поэты были в нее влюблены. Самым удобным было то, что вести о Черубине шли только от влюбленного в нее Рара Мако. Были, правда, подозрения в мистификации, но подозревали самого Маковского.

Нам удалось сделать необыкновенную вещь: создать человеку такую женщину, которая была воплощением его идеала и которая в то же время не могла его разочаровать, так как эта женщина была призрак.

Как только Маковский выздоровел, он послал Черубине невымышленный адрес (это был адрес сестры Л. Брюлловой, подруги Лили) огромный букет белых роз и орхидей. Мы с Лилей решили это пресечь, так как такие траты серьезно угрожали гонорарам сотрудников "Аполлона", на которые мы очень рассчитывали. Поэтому на другой день Маковскому были посланы стихи "Цветы" и письмо.

ЦВЕТЫ

Цветы живут в людских сердцах:
Читаю тайно в их страницах
О ненамеченных границах,
О нерасцветших лепестках.
Я знаю души как лаванда,
Я знаю девушек мимоз,
Я знаю, как из чайных роз
В душе сплетается гирлянда.
В ветвях лаврового куста
Я вижу прорезь черных крылий,
Я знаю чаши чистых лилий
И их греховные уста.
Люблю в наивных медуницах
Немую скорбь умерших фей,
И лик бесстыдных орхидей
Я ненавижу в светских лицах.
Акаций белые слова
Даны ушедшим и забытым,
А у меня, по старым плитам,
В душе растет разрыв-трава.

Когда я в это утро пришел к Рара Мако, я застал его в несколько встревоженном состоянии. Даже безукоризненная правильность его пробора была нарушена. Он в волнении вытирал платком темя, как делают в трагических местах французские актеры, и говорил: "Я послал, не посоветовавшись с Вами, цветы Черубине Георгиевне и теперь наказан. Посмотрите, какое она прислала мне письмо!"

Письмо гласило приблизительно следующее: "Дорогой Сергей Константинович! (Переписка приняла уже довольно интимный характер.) Когда я получила Ваш букет, я могла поставить его только в прихожей, так как была чрезвычайно удивлена, что Вы решаетесь задавать мне такие вопросы. Очевидно, Вы совсем не умеете обращаться с нечетными числами и не знаете языка цветов".

"Но, право же, я совсем не помню, сколько там было цветов, и не понимаю, в чем моя вина!" - восклицал Маковский. Письмо на это и было рассчитано.

Перед Пасхой Черубина решила поехать на две недели в Париж, заказать себе шляпу, как она сказала Маковскому, но из намеков было ясно, что она должна увидеться там со своими духовными руководителями, так как собирается идти в монастырь. Она как-то сказала, что, может быть, выйдет замуж за одного еврея. Из этих слов Рара Мако заключил, что она будет Христовой невестой.

Уезжая, Черубина взяла слово с Маковского, что он на вокзал не поедет. Тот сдержал слово, но стал умолять своих друзей пойти вместо него, чтобы увидеть Черубину хотя бы чужими глазами. Просил Толстого, но тот с ужасом отказался, так как чувствовал какой-то подвох и боялся в него впутаться. Наконец Маковский уговорил поехать Трубникова²⁹⁹. Трубников на вокзале был, Черубины ему увидеть не удалось, но она, очевидно, его видела, так как записала в путевой дневник, который обещала Маковскому вести, что она ожидала увидеть на вокзале переодетого Рара Мако с накладной бородкой, но вместо него увидела присланного друга, которого она узнала по изящному костюму. Следовало подробное описание Трубникова. Маковский был восхищен: "Какая наблюдательность! Ведь тут весь Трубников, а она видела его всего раз на вокзале".

В Париже Черубина остановилась в специально-католическом квартале. Она прислала несколько описаний квартала, описала несколько встреч. Эта часть ее дневники - выпадают, так как погибли при обыске³⁰⁰. Остались только стихи.

В отсутствие Черубины Маковский так страдал, что И. Ф. Анненский говорил ему: "Сергей Константинович, да нельзя же так мучиться. Ну, поезжайте за ней. Истратьте сто - ну двести рублей, оставьте редакцию на меня.. Отыщите ее в Париже".

Однако Сергей Константинович не поехал, что лишило историю Черубины небезынттересной страницы.

Для его излиятий была оставлена родственница Черубины, княгиня Дарья Владимировна (Лида Брюллова) Она разговаривала с Маковским по телефону и приготавливала его к мысли о пострижении Черубины в монастырь.

Черубина вернулась. В тот же вечер к ней пришел ее исповедник, отец Бенедикт. Всю ночь она молилась. На следующее утро ее нашли без сознания, в бреду, лежащей в коридоре, на каменном полу, возле своей комнаты. Она заболела воспалением легких.

Кризис болезни Черубины намеренно совпал с заседаниями Поэтической Академии в Обществе ревнителей русского стиха³⁰¹, так как там могла присутствовать Лиля и могла

²⁹⁹ Трубников Александр Александрович (1883-1966) искусствовед, сотрудник Эрмитажа, автор книги "Моя Италия" (СПб., 1908)

³⁰⁰ 226 В послереволюционные годы Е. И. Дмитриева подвергалась репрессиям. О ее судьбе см. в воспоминаниях И. Эренбурга (с. 341).

³⁰¹ 227 Речь идет об "Обществе ревнителей художественного слова". Оно было создано при редакции

сама увидеть, какое впечатление произведет на Маковского известие о смертельной опасности.

Ему ежедневно по телефону звонил старый дворецкий Черубины и сообщал о ее здоровье. Кризис ожидался как раз в тот день, когда должно было происходить одно из самых парадных заседаний. Среди торжественной тишины, во время доклада Вячеслава Иванова, Маковского позвали к телефону. И. Ф. Анненский пожал ему под столом руку и шепнул несколько ободряющих слов. Через несколько минут Маковский вернулся с опрокинутым и радостным лицом: "Она будет жить!"

Все это происходило в двух шагах от Лили.

Как-то Лиля спросила меня: "Что, моя мать умерла или нет? Я совсем забыла и недавно, говоря с Маковским по телефону, сказала: "Моя покойная мать" - и боялась ошибиться"... А Маковский мне рассказывал: "Какая изумительная девушка! Я прекрасно знаю, что мать ее жива и живет в Петербурге, но она отвергла мать и считает ее умершей с тех пор, как та изменила когда-то мужу, и недавно так и сказала мне по телефону: "Моя покойная мать".

Постепенно у нас накопилась целая масса мифических личностей, которые доставляли нам много хлопот. Так, например, мы придумали на свое горе кузена Черубине, к которому Рара Мако страшно ревновал. Он был португалец, атташе при посольстве, и носил такое странное имя, что надо было быть так влюбленным, как Маковский, чтобы не обратить внимания на его невозможность. Его звали дон Гарпия ди Мантилья. За этим доном Гарпией была однажды организована целая охота, и ему удалось ускользнуть только благодаря тому, что его вообще не существовало. В редакции была выставка женских портретов³⁰², и Черубина получила приглашительный билет. Однако сама она не пошла, а послала кузена. Маковский придумал очень хороший план, чтобы уловить дону Гарпию. В прихожей были положены листы, где все посетители должны были расписываться, а мы, сотрудники, сидели в прихожей и следили, когда "он" распишется. Однако каким-то образом дону Гарпии удалось пройти незамеченным, он посетил выставку и обо всем рассказал Черубине.

В высших сферах редакции была учреждена слежка за Черубиной. Маковский и Врангель³⁰³ стали действовать подкупом. Они произвели опрос всех дач на Каменноостровском. В конце концов Маковский мне сказал: "Знаете, мы нашли Черубину. Она - внучка графини Нирод. Сейчас графиня уехала за границу, и поэтому она может позволять себе такие эскапады. Тот старый дворецкий, который, помните, звонил мне по телефону во время болезни Черубины Георгиевны, был здесь, у меня в кабинете. Мы с бароном дали ему 25 рублей, и он все рассказал. У старухи две внучки. Одна с ней за границей, а вторая Черубина. Только он назвал ее каким-то другим именем, но сказал, что ее называют еще и по-иному, но он забыл как. А когда мы его спросили, не Черубиной ли, он вспомнил, что, действительно, Черубиной".

Лиля, которая всегда боялась призраков, была в ужасе. Ей все казалось, что она должна встретить живую Черубину, которая спросит у нее ответа. Вот два стихотворения, которые тогда, конечно, не были поняты Маковским.

Лиля о Черубине:

В слепые ночи новолунья,
Глухой тревогою полна,
Завороженная колдунья,

журнала "Аполлон" ранней осенью 1909 года; заседания проходили в редакции журнала.

³⁰² 228 Выставка женских портретов была открыта в редакции "Аполлона" с 17 января по 7 февраля 1910 года.

³⁰³ Врангель Николай Николаевич (1880-1915) - искусствовед.

Стою у темного окна.
Стеклом удвоенные свечи
И предо мною, и за мной,
И облик комнаты иной
Грозит возможностями встречи.
В темно-зеленых зеркалах
Обледенелых ветхих окон
Не мой, а чей-то бледный локон
Чуть отражен, и смутный страх
Мне сердце алой нитью вяжет.
Что, если дальняя гроза
В стекле мне близкий лик покажет
И отразит ее глаза?
Что, если я сейчас увижу
Углы опущенные рта,
И предо мною встанет та,
Кого так сладко ненавижу?
Но окон темная вода
В своей безгласности застыла
И с той, что душу истомила,
Не повстречаюсь никогда.

Черубина о Лиле:
ДВОЙНИК

Есть на дне геральдических снов
Перерывы сверкающей ткани;
В глубине анфилад и дворцов
На последней таинственной грани
Повторяется сон между снов.
В нем все смутно, но с жизнью схоже...
Вижу девушки бледной лицо,
Как мое, но иное и то же,
И мое на мизинце кольцо.
Это - я, и все так не похоже.
Никогда среди грязных дворов,
Среди улиц глухого квартала.
Переулков и пыльных садов
Никогда я еще не бывала
В низких комнатах старых домов.
Но Она от томительных будней,
От слепых паутин вечеров
Хочет только заснуть непробудней,
Чтоб уйти от неверных оков,
Горьких грез и томительных будней.
Я так знаю черты ее рук
И, во время моих новолуний,
Обнимающий сердце испуг,
И походку крылатых вещуний,
И речей ее вкрадчивый звук.
И мое на устах ее имя,
Обо мне ее скорбь и мечты,

И с печальной каймою листы,
Что она называет своими,
Затаили мои же мечты...
И мой дух ее мукой волнуем...
Если б встретить ее наяву
И сказать ей: "Мы обе тоскуем,
Как и ты, я вне жизни живу"
И обжечь ей глаза поцелуем.

С этого момента история Черубины начинает приближаться к концу. Прямое развитие темы делает крутой и неожиданный поворот. Мы с Лилей стали замечать, что кто-то другой, кроме нас, вмешивается в историю Черубины. Маковский начал получать от ее имени какие-то письма, написанные не нами. И мы решили оборвать.

Вячеслав Иванов, вероятно, подозревал, что я - автор Черубины, так как говорил мне: "Я очень ценю стихи Черубины. Они талантливы. Но если это мистификация, то это гениально". Он рассчитывал на то, что "ворона каркнет". Однако я не каркнул. А А. Толстой давно говорил мне: "Брось, Макс, это добром не кончится". Черубина написала Маковскому последнее стихотворение. В нем были строки:

Милый друг, Вы приподняли
Только край моей вуали...

Когда Черубина разоблачила себя, Маковский поехал к ней с визитом и стал уверять, что он уже давно обо всем знал³⁰⁴. "Я хотел дать Вам возможность дописать до конца Вашу красивую поэму". Он подозревал о моем сообщничестве с Лилей и однажды спросил меня об этом, но я, честно глядя ему в глаза, отрекся от всего. Мое отречение было встречено с молчаливой благодарностью.

Неожиданной во всей этой истории явилась моя дуэль с Гумилевым. Он знал Лилю давно и давно уже предлагал ей помочь напечатать ее стихи, однако о Черубине он не подозревал истины. В 1909 году летом, будучи в Коктебеле вместе с Лилей, он делал ей предложение.

В то время, когда Лиля разоблачила себя, в редакционных кругах стали расти сплетни.

Лиля обычно бывала в редакции одна, так как жених ее, Воля Васильев³⁰⁵, бывать с ней не мог: он отбывал воинскую повинность. Никого из мужчин в редакции она не знала. Одному немецкому поэту, Гансу Гюнтеру³⁰⁶, который забавлялся оккультизмом, удалось

³⁰⁴ 229 Черубину "разоблачил" Маковскому Михаил Кузмин, о чем свидетельствует запись в его дневнике от 17 ноября 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 53). По воспоминаниям Маковского, Дмитриева сама нанесла ему визит, горько сожалея о причиненной ему боли (Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 349-352).

³⁰⁵ Васильев Всеволод Николаевич (1883-?) - инженер-гидролог

³⁰⁶ 230 Гюнтер Иоганнес фон (1886-1973) - немецкий поэт и переводчик (с русского на немецкий). Он был одним из главных действующих лиц этой истории. Став первым обладателем тайны Черубины, Гюнтер несколько дней наслаждается своей новой ролью обладателя тайны, волновавшей "весь Петербург", а затем рассказывает все Кузмину. Он же рассказывает Дмитриевой о том, что Гумилев на "Башне" у Вячеслава Иванова говорил о ней "бог знает что", и в тот же вечер устраивает встречу Гумилева с Дмитриевой на квартире у ее подруги Лидии Брюлловой. А затем он же оповещает о происшедшем у Брюлловой Волошина и своих апологетических знакомых. И Максимилиан Волошин, поставленный перед фактом оскорбления любимой им женщины, счел себя обязанным вступить за нее.

В написанных позднее воспоминаниях "Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und Munchen"³⁰⁶³⁰⁶ Жизнь под восточным ветром. Между Петербургом и Мюнхеном (нем.).

(Мюнхен, 1969) Гюнтер дает свою интерпретацию событий.

завладеть доверием Лили. Она была в то время в очень нервном, возбужденном состоянии. Очевидно, Гюнтер добился от нее каких-нибудь признаний. Он стал рассказывать, что Гумилев говорит о том, как у них с Лилей в Коктебеле был большой роман. Все это в очень грубых выражениях. Гюнтер даже устроил Лиле "очную ставку" с Гумилевым, которому она принуждена была сказать, что он лжет. Гюнтер же был с Гумилевым на "ты" и, очевидно, на его стороне. Я почувствовал себя ответственным за все это и, с разрешения Воли, после совета с Леманом, одним из наших общих с Лилей друзей, через два дня стрелялся с Гумилевым.

Мы встретились с ним в мастерской Головина в Мариинском театре³⁰⁷ во время представления "Фауста". Головин в это время писал портреты поэтов, сотрудников "Аполлона". В этот вечер я ему позировал. В мастерской было много народу, и в том числе Гумилев. Я решил дать ему пощечину по всем правилам дуэльного искусства, так, как Гумилев, большой специалист, сам учил меня в предыдущем году: сильно, кратко и неожиданно.

В огромной мастерской на полу были разостланы декорации к "Орфею". Все были уже в сборе. Гумилев стоял с Блоком на другом конце залы. Шаляпин внизу запел "Заклинание цветов". Я решил дать ему кончить. Когда он кончил, я подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И. Ф. Анненского: "Достоевский прав, звук пощечины - действительно мокрый"³⁰⁸. Гумилев отшатнулся от меня и сказал: "Ты мне за это ответишь". (Мы с ним не были на "ты".) Мне хотелось сказать: "Николай Степанович, это не брудершафт". Но тут же сообразил, что это не вязалось с правилами дуэльного искусства, и у меня внезапно вырвался вопрос: "Вы поняли?" (То есть: поняли ли - за что?) Он ответил: "Понял"³⁰⁹ ...

На другой день рано утром мы стрелялись за Новой Деревней возле Черной речки³¹⁰,

³⁰⁷ 231 Александр Яковлевич Головин (1863-1930), художник, декоратор Мариинского театра, в своих воспоминаниях (Головин А. Встречи и впечатления. Л.-М., 1960. С. 100) рассказывает об этом сеансе. В письме А. Блока к матери сообщается, что этот инцидент произошел 19 ноября 1909 г. (Блок А. Письма к родным, т. 1. Л., 1927. С. 286).

³⁰⁸ 232 Имеется в виду эпизод из "Бесов": оскорбление, нанесенное Шатовым Ставрогину (см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. X. Л., 1974. С. 166).

³⁰⁹ 233 Вопрос Волошина Гумилеву и ответ того зафиксированы в заметке "Эпидемия дуэлей", напечатанной 24 ноября 1909 г. в московской газете "Русское слово": "Гумилев резко и несправедливо отозвался об одной девушке, знакомой Волошина. Волошин подошел к нему, дал ему пощечину и спросил: "Вы поняли?" - "Да", - ответил тот".

³¹⁰ 234 Согласно газетным отчетам, дуэль состоялась 22 ноября 1909 года. Секундантами были: со стороны Волошина - Алексей Николаевич Толстой и художник Александр Константинович Шервашидзе (Чачба) (1867-1968). Со стороны Гумилева: Михаил Алексеевич Кузмин и секретарь "Аполлона" Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884-1954). Известны воспоминания первых трех из них. Приводим их.

А. Н. Толстой: "Весь следующий день между секундантами шли отчаянные переговоры. Грант³¹⁰³¹⁰ Так подчас называли Гумилева люди, знавшие его. Прозвище Гумилева "Грант" восходит к псевдониму, которым он пользовался в начале своего творческого пути: Анатолий Грант. См. в этой связи и название приведенного ниже стихотворения, написанного Е. И. Дмитриевой после гибели Гумилева, "Памяти Анатолия Гранта".

предъявил требования - стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников. Он не шутил. Для него, конечно, изо всей этой путаницы, мистификации и лжи - не было иного выхода, кроме смерти.

С большим трудом, под утро, в ресторане Альберта, секундантам Волошина - князю Шервашидзе и мне - удалось уговорить секундантов Гранта Зноско-Боровского и Кузмина - стреляться на пятнадцати шагах. Но надо было уломать Гранта. На это был потрачен еще один день. Наконец, на рассвете третьего дня, наш автомобиль выехал за город, по направлению к Новой деревне.

Дул мокрый морской ветер, и вдоль дороги свистели и мотались голые вербы. За городом мы нагнали

автомобиль противников, застрявших в снегу. Мы позвали дворников с лопатами, и все, общими усилиями, вытащили машину из сугроба. Грант, спокойный и серьезный, заложив руки в карманы, следил за нашей работой, стоял в стороне.

Выехав за город, мы оставили на дороге автомобили и пошли на голое поле, где были свалки, занесенные снегом. Противники стояли поодаль, меня выбрали распорядителем дуэли. Когда я стал отсчитывать шаги, Грант, внимательно следивший за мной, просил мне передать, что я шагаю слишком широко. Я снова отмерил 15 шагов, просил противников встать на места и начал заряжать пистолеты. Пыжей не оказалось. Я разорвал платок и забил его вместо пыжей. Гранту я понес пистолет первому. Он стоял на кочке, длинным и черным силуэтом, различимый в мгле рассвета. На нем был цилиндр и сюртук, шубу он сбросил на снег. Подбегая к нему, я провалился в яму с талой водой. Он спокойно выжидал, когда я выберусь, - взял пистолет, и тогда только я заметил, что он, не отрываясь, с ледяной ненавистью глядел на Волошина, стоявшего, расставив ноги, без шапки.

Передав второй пистолет Волошину, я, по правилам, в последний раз предложил мириться. Но Грант перебил меня, сказав глухо и зло: "Я приехал драться, а не мириться". Тогда я просил приготовиться и начал громко считать: "Раз, два... (Кузмин, не в силах долее стоять, сел на снег и заслонился хирургическим ящиком, чтобы не видеть ужасов.) ...Три!" - крикнул я. У Гранта блеснул красноватый свет, и раздался выстрел. Прошло несколько секунд. Второго выстрела не последовало. Тогда Грант крикнул с бешенством: "Я требую, чтобы этот господин стрелял!" Волошин проговорил в волнении: "У меня была осечка". - "Пускай он стреляет во второй раз, - крикнул опять Грант, - я требую этого!" Волошин поднял пистолет, и я слышал, как щелкнул курок, но выстрела не было. Я подбежал к нему, выдернул у него из дрожащей руки пистолет и, целя в снег, выстрелил. Гашеткой мне ободрало палец. Грант продолжал неподвижно стоять: "Я требую третьего выстрела", - упрямо проговорил он. Мы начали совещаться и отказали. Грант поднял шубу, перекинул ее через руку и пошел к автомобилям" (Газета "Фигаро". Тифлис, 1922. 6 февраля).

А. К. Шервашидзе (его недатированное письмо, по-видимому, к художнику Борису Васильевичу Анрепу (1883-1969), - по копии, снятой Р. А. Шервашидзе-Зайцевой, дочерью художника, в декабре 1982 г.): "...Все, что произошло в ателье Головина в тот вечер, - Вы знаете, так как были там с Вашей супругой. Я поднялся туда в момент удара. Волошин, очень красный, подбежал ко мне - я едва успел поздороваться с Вашей супругой - и сказал: "Прошу тебя быть моим секундантом". Тут же мы условились о встрече с Зноско-Боровским, Кузминым и Ал. Толстым.

Зноско-Боровский и Кузмин - секунданты Гумилева. Я и Алеша тоже Волошина. На другой день утром я был у Макса, взял указания. Днем того же дня в ресторане "Albert" собрались секунданты. Пишу Вам очень откровенно: я был очень напуган, и в моем воображении один из двух обязательно должен был быть убит.

Тут же у меня явилась детская мысль: заменить пули бутафорскими. Я имел наивность предложить это моим приятелям! Они, разумеется, возмущенно отказались.

Я поехал к барону Мейендорф и взял у него пистолеты.

Результатом наших заседаний было: дуэль на пистолетах, на 25 шагах, стреляют по команде сразу. Командующий был Алексей Толстой.

Рано утром выехали мы с Максом на такси - Толстой и я. Ехать нужно было в Новую деревню. По дороге нагнали такси противников, они вдруг застряли в грязи, пришлось нам двум (не Макс) и шоферу помогать вытянуть машину и продолжать путь. Приехали на какую-то поляну в роще: полянка покрыта кочками, место болотистое.

А. Толстой начал отмеривать наибольшими шагами 25 шагов, прыгая с кочки на кочку.

Расставили противников. Алеша сдал каждому в руки оружие. Кузмин спрятался (стоя) за дерево. Я тоже перепугался и отошел подальше в сторону. Команда - раз, два, три. Выстрел - один. Волошин: "У меня осечка". Гумилев стоит недвижим, бледный, но явно спокойный. Толстой подбежал к Максиму взять у него пистолет, я думаю, что он считал, что дуэль окончена. Но не помню, как - Гумилев или его секунданты - предложили продолжать.

Макс взвел курок и вдруг сказал, глядя на Гумилева: "Вы отказываетесь от Ваших слов?"

Гумилев: "Нет".

Макс поднял руку с пистолетом и стал целиться, мне показалось довольно долго. Мы услышали падение курка, выстрела не последовало. Я вскрикнул: "Алеша, хватай скорей пистолеты". Толстой бросился к Максиму и выхватил из его руки пистолет, тотчас же взвел курок и дал выстрел в землю.

"Кончено, кончено", - я и еще кто-то вскрикнули и направились к нашим машинам. Мы с Толстым довели Макса до его дома и вернулись каждый к себе. На следующее утро ко мне явился квартальный и спросил имена участников. Я сообщил все имена. Затем был суд - пустяшная процедура, и мы заплатили по 10 рублей штрафа. Был ли с нами доктор? Не помню. Думаю, что никому из нас не были известны правила дуэли. Конечно, вопросы Волошина, вне всякого сомнения, были недопустимы..."

М. А. Кузьмин (из дневника): "21 (суббота). Зноско заехал рано. Макс все вилял, вел себя очень подозрительно и противно. Заехали завтракать к Альберту, потом в "Аполлон", заказывали таксо-мотор. ... Отправились за Старую деревню с приключениями. ... В "Аполлоне" был уже граф. ... С Шервашидзе четвером обедали и выработывали условия. Долго спорили. Я с князем отправился к Борису Суворину³¹⁰³¹⁰ Суворин

если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то, во всяком случае, современной ему. Была мокрая, грязная весна³¹¹, и моему секунданту Шервашидзе³¹², который отмеривал нам 15 шагов по кочкам, пришлось очень плохо. Гумилев промахнулся, у меня пистолет дал осечку. Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, боясь, по неумению своему стрелять, попасть в него. Не попал, и на этом наша дуэль окончилась. Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались.

После этого я встретился с Гумилевым только один раз, случайно, в Крыму, за несколько месяцев до его смерти³¹³.

Нас представили друг другу, не зная, что мы знакомы. Мы подали друг другу руки, но разговаривали недолго: Гумилев торопился уходить.

Борис Алексеевич - петербургский журналист, сын издателя и литератора А. С. Суворина.

добывать пистолеты, было занято. Под дверями лежала девятка пик. Но пистолетов не достали, и князь поехал дальше к Мейендорфу и т. п. добывать. У нас сидел уже окруженный трагической нежностью "Башни" Коля³¹⁰³¹⁰ Н. С. Гумилев.

. Он спокоен и трогателен. Пришел Сережа^{310 310} Ауслендер Сергей Абрамович (1886-1943) - писатель-прозаик, племянник М. А. Кузьмина.

и ненужный Гюнтер, объявивший, что он всецело на Колиной стороне. Но мы их скоро спровадили. Насилу через Сережу добыли доктора. Решили не ложиться. Я переоделся, надел высокие сапоги, старое платье. Коля спал немного. Встал спокойно, молился. Ели. Наконец, приехал Женя³¹⁰³¹⁰ Е. А. Зноско-Боровский.

; не знаю, достали ли пистолеты.

22 (воскресенье). Было тесно, болтали весело и просто. Наконец чуть не наскочили на первый автомобиль, застрявший в снегу. Не дойдя до выбранного места, расположились на болоте, проваливаясь в воду выше колен. Граф распоряжался на славу, противники стали живописно с длинными пистолетами в вытянутых руках. Когда грянул выстрел, они стояли целы: у Макса - осечка. Еще выстрел, еще осечка. Дуэль прекратили. Покатили назад. Бежа с револьверным ящиком, я упал и отшиб себе грудь. Застряли в сугробе. Кажется, записали наш номер. Назад ехали веселее, потом Коля загрустил о безрезультатности дуэли. Дома не спали, волнуясь. Беседовали" (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 53, с. 269-272).

³¹¹ Здесь, очевидно, оговорка рассказчика. Следует читать: осень.

³¹² Как свидетельствуют воспоминания секундантов (см. в комментариях), шаги отмеривал А. Н. Толстой.

³¹³ 235 Встреча Волошина и Гумилева состоялась летом 1921 года в Феодосии. Волошин вспоминал (30 марта 1932 года): "Не помню уже почему - мне понадобилось зайти в контору Центросоюза. И Коля Нич³¹³³¹³ Нич Николай Матвеевич (1884-1942) - феодосийский служащий, соученик Волошина по гимназии.

, который там служил, спросил меня: "А вы знаете поэта такого-то?" И подsunул мне карточку: "Николай Степанович Гумилев".

"Постой, да вот он сам, кажется". И в том конце комнаты я увидел Гумилева, очень изменившегося и возмужавшего. "Да, с Николаем Степановичем мы давно знакомы", - сказал я.

Мы не виделись с Гумилевым с момента нашей дуэли, когда я, после его двойного выстрела, когда секунданты объявили дуэль оконченной, тем не менее отказался подать ему руку. Я давно думал о том, что мне нужно будет сказать ему, если мы с ним встретимся. Поэтому я сказал: "Николай Степанович, со времени нашей дуэли про [изо] шло слишком много разных событий такой важности, что теперь мы можем, не вспоминая о прошлом, подать друг другу руки". Он нечленораздельно пробормотал мне что-то в ответ, и мы пожали друг другу руки. Я почувствовал совершенно неуместную потребность договорить то, что не было сказано в момент оскорбления:

- Если я счел тогда нужным прибегнуть к такой крайней мере, как оскорбление личности, то не потому, что сомневался в правде Ваших слов, но потому, что Вы об этом сочли возможным говорить вообще.

- Но я не говорил. Вы поверили словам той сумасшедшей женщины... Впрочем... если вы не удовлетворены, то я могу отвечать за свои слова, как тогда...

Это были последние слова, сказанные между нами. В это время кто-то ворвался в комнату и крикнул ему: "Адмирал Вас ждет, миноносец сейчас отваливает". Это был посланный Наркомси (быв[шего] адмирала) Немитца³¹³³¹³ Немитц Александр Васильевич (1879-1967) - контр-адмирал; в 1917 году (с июля по декабрь) - командующий Черноморским Флотом; с февраля 1920-го по декабрь 1921 года - командующий морскими силами РСФСР.

, с которым Гумилев в это лето делал прогулку вдоль берегов Крыма..." (ИРЛИ).